

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА КУЛЬТУРЫ, ГОСУДАРСТВА И КРИЗИСНЫХ ФАКТОРОВ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Е.В. Иванова

Предпринята попытка проанализировать и разграничить разные свойства и указать на общие связи между российской культурой и государством в кризисном контексте.

Ключевые слова: культура/цивилизация; динамика культуры; нестабильное развитие государства; социокультурный кризис; культурная катастрофа; кризисные факторы развития; русская философия.

Особенности социально-философского анализа связей между отечественной культурой и системой государственности. На протяжении примерно тысячелетней истории представления о природе русской/российской социокультурной общности, о сущности отечественной государственности менялись как в эволюционном режиме, так и порой рывками, кардинально. За этой неравномерностью аналитического процесса скрываются реальные трансформации нашей государственной структуры, а также культуры в целом, что меняло их до неузнаваемости.

После каждого исторического поворота прежняя мировоззренческая основа российско-го общества, а также культурно-идентификационная доминанта общественного сознания отбрасывались и, если и не исчезали, то уходили в тень общественного интереса и научного анализа. На смену им рождалась новая модель понимания, а также обновленное чувство государственной и культурной самоидентичности, диктуя представителям власти, гражданам, аналитикам во многом иной взгляд на собственную страну и культуру¹. Однако это не исключало

того, что, спустя века, в условиях крайней опасности некоторые прежние представления о культуре и государственности вновь приковывали к себе внимание, позволяя по аналогии осмыслить кризисную ситуацию, восстановить перспективы позитивного развития.

Отмеченная выше прерывность анализа вынуждает нас внимательно отнестись к периодизации русской истории, к выделению в ней этапов, стадий, фаз развития культуры и государственности. Для данного исследования особую важность приобретает широко известное деление нашей истории на следующие временные отрезки: древний период (Киевская Русь); время татаро-монгольского владычества; период Московского царства; имперский период; советский период.

Подобная историческая периодизация обобщивалась отечественными аналитиками еще в XIX веке. Она не раз подтверждала свою эф-

следователи начала XX века. Так, Н.А. Бердяев немало писал о “прерывистом” характере российской истории, определяя ее как периодически прерывавшееся развитие. (См.: *Бердяев Н.А.* Русская идея. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 45).

¹ На эту закономерность отечественного исторического развития давно обратили внимание ис-

фективность в анализе развития российского общества XX века. В те отрезки исторического времени, когда обозначался переход от одного из указанных периодов времени к другому, культурная и государственная практики отчетливо демонстрировали признаки культурного кризиса, порой переходящие в катастрофу. Так, культура Киевской Руси завершила свое развитие вместе с катастрофой исчезновения русских княжеств и началом татаро-монгольского ига. Свидетельством исчерпанности ресурсов развития Московского царства стало Смутное время, а имперского периода – революции начала XX века.

В целом указанная историческая периодизация остается вполне пригодной для изучения проблематики любого исследования. Правда, в этом вопросе должны быть сделаны определенные уточнения, т.к. эта периодизация не всегда корректно отображает стадии и фазы исторического времени, одинаково значимые как для культурной динамики, так и для развития государства. Другими словами, этапы исторической динамики отечественной культуры не совпадают в деталях со стадиями и фазами изменений в системе государственного строительства. Для прояснения связи между государственными кризисами и кризисами культуры важно эти несовпадения учитывать, что и делается по ходу анализа. Кроме того, разделение на указанные этапы совершенно недостаточны в качестве познавательного средства в тех случаях, когда анализ сосредоточивается на циклично-волновых особенностях исторической динамики культуры, государства.

В процессах изучения проблематики государственных кризисов в контексте отечественной культурной динамики необходимо обратить особое внимание на периодизацию самих аналитических процессов. Так, после принятия восточно-славянскими племенами православия, религиозно-догматический, затем религиозно-философский взгляд на окружающий мир, на место русской культуры в нем постепенно становится для русских мыслителей ведущим. Именно в рамках религиозно-познавательной парадигмы зародился глубокий анализ государственной власти, вопросов, связанных с катастрофическими (на языке религиозной доктрины – апокалиптическими или эсхатологическими) возможностями развития, а также с социальной проблематикой. В меньшей степени при этом затрагивались вопросы культурного развития.

Следует учитывать, что познавательные принципы религиозно-богословской мысли далеко не всегда и не во всем совпадали с харак-

теристиками спонтанно эволюционирующего народного сознания, а также с самопознанием русских. В данной статье не ставится цель подробно проанализировать исторические формы народного сознания во всем их богатстве и противоречиях. Однако следует признать, что понимание широкими слоями русского населения своей культуры, роли государства, а также интерес к кризисному развитию общества наличествовали в народном сознании.

Дохристианское прошлое русской культуры породило достаточно развитые для своего времени формы анализа окружающего мира, которые развивались на базе *этномифологического сознания* восточных славян, их *языческих* верований. Именно тогда закладывались основы русского характера, в частности: коллективизм русского народа, проникновенная связь с природой, представления о красоте; тогда же были заложены экзистенциальные представления русских о мире, о человеческом существовании. К сожалению, этот период продолжает оставаться для нас скрытым из-за отсутствия внятных свидетельств на этот счет и скудной археологической базы.

С принятием христианства особенности этно-культурного сознания русских так или иначе стали переплетаться с православными представлениями. Социокультурная практика перехода от язычества к православию во многом оказалась запечатленной в фольклорных формах, а также в некоторых видах и жанрах народного искусства, из которых до нас дошли далеко не все. На Руси издавна были распространены такие фольклорные формы, как былины, сказания, пословицы, народные духовные стихи. На древних фольклорных формах, дошедших до нас, лежит отпечаток как православного, так и чисто народного, в том числе языческого мироощущения, применительно к человеку, обществу, государству. В воссоздании героев, например, «Толубиной книги» русский народ воспроизвел важнейшие черты православной праведности: жертвенное отречение от благ земной жизни, максимализм в исполнении церковного идеала, презрение к гордыне, отказ от превосходства над людьми. Известны также свидетельства народных воззрений на государство, на царей, царских слуг, бюрократию, ярко выраженные в пословицах, отраженные в нравственных представлениях и интуитивных догадках.

Уже исследователи XIX века усматривали в фольклоре оппозицию греческой христианской государственности. Данная оппозиция реализовывалась через апелляцию к родовому праву, перво-

бытной демократии, символической обрядности. Современные исследователи углубляют контраст этих позиций, формулируя интересный вывод о том, что в условиях наступления очередной кризисной ситуации народные массы Древней Руси выражали готовность поддерживать носителей язычества и родовые порядки в противовес государственному и христианскому началу [1, с. 283].

Учитывая воздействие народных представлений на общественное сознание Древней Руси в целом, все же с полным основанием можно констатировать, что вплоть до XVIII века в отечественной практике осмысления проблем общества, культуры и государства доминирует *религиозно-богословская парадигма* познания, с которой тесно были связаны достаточно разрозненные попытки светского анализа, часто в виде княжеских наставлений, личной переписки известных политических деятелей и т.п.

И только в последние два столетия (XIX–XX века) в аналитическом пространстве изучение этих вопросов становится плюралистическим и противоречивым по выраженным позициям. Во-первых, в русском обществе умножаются сами способы познания. Указанные проблемы начинают исследоваться с *философско-теоретических позиций*, в рамках *профессиональной науки, светского искусства, а также в печатной публицистике*. Во-вторых, множатся идейно-мировоззренческие установки анализа, отображающие *познавательные принципы разных социальных сил, политических и общественных групп, культурно-религиозных сообществ*. Подобное умножение мировоззренческих позиций, а также многообразие познавательных установок определялось не только расширением связей с западно-европейской наукой. С определенного периода истории в нашу государственность и общественную практику интегрируются народы, чье историческое развитие до этого осуществлялось в пространстве других культурно-цивилизационных миров.

Столкновение разных познавательных установок, культурных ориентаций, политических идей порождало в нашем обществе трудно разрешимые мировоззренческие проблемы, приводя как к поляризации позиций, так и к вариативным соединениям разных точек зрения. Но познавательный плюрализм русской философско-теоретической мысли одновременно открывал нетривиальные эвристические возможности, порождал немало новых ракурсов в исследовании проблем как государства, так и культуры.

Известно, что на первых порах сближения отечественного анализа с западно-европейской

теоретической мыслью, русские исследователи выступали в роли учеников, заимствуя теоретико-методологический арсенал анализа у западных ученых. Однако для многих отечественных аналитиков заимствования не стали препятствием в разработке собственных оригинальных позиций. Проиллюстрируем эту мысль на примере выработки отечественными философами собственного понимания сущности русской культуры. В целом в русской философии представления об отечественной культуре и государстве являются результатом исторического развития общественного самопознания. Хотя вплоть до XIX века отечественные аналитики не располагали пониманием культуры, но постепенно формировались общие представления о целостных формах жизнедеятельности русского общества, а также о консолидирующем способе жизни российских народов.

В первой половине XIX века понятие “культура” и стоящие за ним аналитические представления проникали в нашу общественную мысль из философского пространства Западной Европы, сохраняя выработанное там понимание данного феномена как нормативно освоенной человеческой активности, как высокой степени владения какими-либо навыками, как позитивного развития чего-либо. Вместе с тем в России представление о культуре коррелировалось с православным мировоззрением, постепенно развиваясь в практике социально-философского, а также историко-социального анализа. Русская обществоведческая мысль середины XIX века акцентирует внимание на историко-генетических, интегративных аспектах культуры, анализирует ее духовные (нравственные, религиозные, эстетические) аспекты. П.Я. Чаадаев явился одним из первых наших философов, кто, обращаясь к историческим сравнениям и социально-философскому анализу, ставил вопрос об онтологической сущности общественной практики России, о неоднозначном характере русской истории, что в терминологической традиции того периода отображало понимание отечественной культуры [2].

Указанная выше мысль о расширении диапазона и плюрализации векторов анализа отечественной государственности, культуры, кризисных ситуаций вынуждает нас обратиться к задаче отбора для исследования наиболее репрезентативных тенденций и позиций применительно к избранной проблематике. В этом направлении автор руководствуется как объективными свидетельствами значимости тех или иных аналитических идей и направлений, так и собственной оценкой их вклада в осмысление выделенной

проблематики. Ниже мы не ставим целью воссоздать исчерпывающую картину развития в отечественной мысли представлений о культуре, государстве, а также о кризисном развитии. В данном случае отбираются те авторы, в работах которых указанная проблематика рассматривается в единстве, позволяя говорить о продвижении указанных проблем. Исходя из целей статьи, автор выделяет из всего масштаба аналитического наследия два основных русла, связанные, во-первых, с *религиозно-философской*, во-вторых, со *светской, социально-философской парадигмой* анализа. В свою очередь внутри второго русла анализа рассматривается одно из ведущих политико-мировоззренческих направлений – консервативное. Теоретические основания, положенные в такое разделение, требуют специального обоснования.

Социально-философский анализ культуры и государства – консервативное направление. В данном случае консервативное направление не совпадает полностью с привычной классификацией, используемой в философском и политологическом анализе. В исследовании к консервативному направлению философского анализа нами отнесен широкий круг мыслителей – славянофилы, русские писатели-философы (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев), собственно консервативные аналитики (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев), сторонники монархического строя (К. Победоносцев, Л.А. Тихомиров и др.). Автор исследования исходит из того, что всех представителей этого направления объединяет православное понимание общества, культуры, государства, которые трактуются как самостоятельные, сложные и самобытные явления, отличающиеся в своих свойствах от аналогичных явлений Западной Европы.

Славянофилы, почвенники, неославянофилы видят в самобытной русской культуре безусловную самоценность, обеспечивающую историческое развитие народа, государства, России в целом. В трудах славянофилов получает развитие социально-философский, историософский, культурфилософский и философско-политологический анализ характера российского государства, доказывающаяся необходимость сохранения православия как его духовной основы. За православием также признается сберегающая функция живого христианского начала, свободной стихии духа народной жизни. Историю культуры, общественную жизнь, само существование человека славянофилы рассматривают преимущественно под углом зрения развертывания нравственного начала. И.В. Киреевский пишет: “Под шумным

вращением общественных колес таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все” [3]. Защищая религию, славянофилы одновременно видели аналитические издержки во взглядах представителей православного богословия. Позиции славянофилов в понимании русской культуры отличались от религиозных мыслителей XVIII–XIX вв. тем, что были пронизаны историчностью, носили проблемно-антиномичный характер, приобретали поисковый пафос.

Однако эти недостатки теоретического суждения о русском человеке и отечественной культуре заметно снижены в публицистике и творчестве тех писателей, поэтов, тяготеющих к славянофилам, чья позиция приобретает не теоретический, а более интуитивный и более убедительный характер, во многом объясняемый их художественными дарованиями. Обращаясь к стихам Ф.И. Тютчева, публицистике Ф.М. Достоевского, к художественно-эпистолярному наследию Н.В. Гоголя, можно отчетливо почувствовать стихийное стремление авторов к апокалиптической форме познания метаистории отечественной культуры, русского характера. В этой связи поэтические утверждения Тютчева о понимании России только через любовь и веру в нее, мысли Гоголя о значении православного мироощущения для русского человека, предвидения Достоевского о бездне, в которой может очутиться атеистическое общество и неверующий человек, обретают мощный прогностический потенциал, подтвержденный поздними этапами развития не только России, но и стран Запада.

Для понимания характера отечественной культуры важна и другая линия консервативного направления, которая связана с более строгим философско-теоретическим анализом, который, кстати, осуществляли также многие славянофилы и представители поэтического творчества (в XIX веке – А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев и др., в конце XIX – начале XX века – Л.А. Тихомиров и др.). Представители этой линии охватывают анализом гораздо более широкий спектр проблем, связанных с вопросами культуры, государства, общественного устройства, главное – многие из этих проблем они прорабатывают в политологическом, социологическом, культурологическом ключе. Важной особенностью выступает то, что в работах авторов этой линии учитывается широкий диапазон кризисных факторов развития государственности и культуры.

На рубеже XX–XXI веков происходит подлинный прорыв в освоении всего богатства ана-

литического наследия по вопросам российской культуры, государственной власти, кризисного и катастрофического развития. В научной среде получают распространение идеи и работы не только всех аналитиков русского зарубежья (Ильина, Солоневича, евразийцев и др.), но и до-революционной религиозной, философской, политологической, культурологической мысли (Данилевского, Леонтьева, религиозных философов и др.), а также становятся известны многообразные подходы к изучению кризисов и нетривиальные повороты анализа в понимании катастроф, которые вызревали на протяжении всей истории отечественной науки, включая и советский ее этап, но которые игнорировались в советском марксизме. Сошлемся в этой связи на разработки идей всеобщей организационной науки крупного исследователя А.А. Богданова, который в первые два десятилетия XX века, по существу, закладывал основы системного подхода и теории общей организации, без чего во второй половине этого столетия не могли бы родиться синергетические

представления. Изучая состояние общественного кризиса с системных позиций, он писал следующее: “Кризис есть нарушение равновесия и в то же время процесс перехода к некоторому новому равновесию. Это последнее может рассматриваться как предел происходящих при кризисе изменений или как предел тенденций” [4, с. 218].

Литература

1. *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетея, 2002.
2. *Чаадаев П.Я.* Соб. соч.: в 2 т. Первое философическое письмо. Т. 1. М., 1997; см. также: *Асоян Ю., Малафеев А.* Открытие идеи культуры (опыт русской культурологии середины XIX - начала XX века. М., 2001.
3. *Киреевский И.В.* Избранные статьи. М., 1984.
4. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 2.
5. *Бердяев Н.А.* Русская идея. О России и русской философской культуре. М., 1990.